

A close-up photograph of a person sitting on a sandy beach. The person's legs are visible, and they are wearing light blue shorts. The background shows white, foamy waves crashing against the shore. A dark purple rectangular box is overlaid on the left side of the image, containing white text.

Анастасия Безрукова

Кафе "Голодная чайка"

Главное, не подрезать крылья...

16+

Анастасия Владимировна Безрукова

Кафе «Голодная чайка»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65557761

SelfPub; 2021

Аннотация

Маруся работает официанткой в кафе небольшого курортного городка. Ей нравится ее размеренная однообразная жизнь, но... в мечтах она гуляет по побережью Австралии и лежит на берегу океана. Когда до исполнения мечты остается один шаг, вмешиваются роковые обстоятельства. А потом появляется молодой кинорежиссер и переворачивает жизнь Маруси с ног на голову. Это легкая повесть пропитана летним солнцем и головокружительными ароматами, которые пробуждают вкус жизни у тех, кто истосковался по романтике.

Анастасия Безрукова

Кафе «Голодная чайка»

Маруся любила утренние смены. Она приходила в кафе самой первой, отворяла тяжелые деревянные двери и впускала в душный, вспотевший за ночь бар свежие румяные лучи. Ей нравилось снимать стулья с массивных дубовых столов и слушать их облегченные вздохи, заносить из мойки чистые до скрипа бокалы и блестящие вилки. А когда все подготовительные дела заканчивались, Маруся выходила на улицу, садилась на прохладную ступеньку и пила кофе. Она была восхитительно хороша, когда в ее волосах запутывалось солнце, а на нежной девичьей щеке проступал чуть заметный персиковый пушок.

Марусенька, доброе утро, ты опять раньше меня пришла, – мурчала хозяйка, гладила Марусю по теплой белокурой макушке и присаживалась рядом.

Маруся протягивала ей свою кружку, они сидели, плечом к плечу, по очереди отхлебывали кофе и подставляли лица еще пока ласковому солнцу.

Хозяйку звали Зоя Михайловна, она заправляла кафе уже больше 15 лет и вряд ли собиралась на покой лет еще эдак сто. Пепельно-серые то ли от табачного дыма, то ли от возраста кудри она подвязывала шелковым платком с летящими чайками на манер ободка. На худых жилистых руках было

пять пестрых браслетов ровно по количеству бывших и ныне уже почивших мужей. Между большим и указательным пальцем была крошечная татуировка в виде звездочки в память о единственной дочери, ставшей ангелом еще во младенчестве.

– Ладно, Марусинда, хватит расслаиваться, пора за работу!

Маруся вставала, надевала передник цвета морской волны с вышитой чайкой, брала в руки меню и шла к стойке. Она могла с точностью до секунды предсказать, во сколько придут постоянные клиенты.

– Антон Сергеевич, как я рада вас видеть, – выходила Маруся навстречу пожилому мужчине в безупречной тройке, опирающемуся на резную трость с каменным набалдашником. – Мне кажется, или вы опять лет на пять помолодели?

Антон Сергеевич вежливо кланялся, улыбался, садился на свое любимое место под тенью липкой пряной вишни, пил кофе и ел пашот с зажаренным до хруста беконом. Ровно в полдень он закрывал газету, закуривал сигару, пахнущую ромом и голыми кубинскими женщинами, и уходил, оставив на столе чуть влажноватую купюру.

Потом приходила Мелисса – ароматная, под стать своего душистого имени дама. Она ела яйцо в мешочек (“Ты уж, проследи, Марусенька, чтобы не переварили. Ровно 6 минут”) и запивала лимонной водой (“Очень полезно для кожи, да и вообще”). Потом доставала какое-то бесконечно воз-

душное кружевное вязание и, мурлыкая под ухо что старое, пыльное, увядающее, ловко орудовала тонкими крючковатыми пальцами.

Эти постоянные клиенты были несмываемыми буйками в бурлящем потоке проплывающих мимо и заскочивших на чашку кофе или ланч гостей. Антон Сергеевич и Мелисса так стабильно приходили в кафе “Голодная чайка”, что стали уже не просто частью интерьера, но скорее создавали тут уютную, по-домашнему небрежную атмосферу, которая заставляла хоть на пару минут, но задержаться сверх отведенного на обед времени.

Когда клиентов не было, Маруся часто сидела, опустив руки в прохладные струи маленького фонтанчика, и мечтала об Австралии. Она закрывала глаза и представляла, что сидит на берегу океана, и прохладные волны прибоя смывают песок с ее загорелых ног. Что было за пределами пляжа, Маруся не знала и намеренно не читала ничего об этой стране. Свою идеальную Австралию она увидела в рекламной листовке, которую кто-то забыл на лавочке в парке. Маруся жадно впиалась в наполненную солнцем и солью картинку и пообещала, что однажды она сама окажется там.

Нынешняя жизнь Марусе сказалась слишком уж обычной. Она была счастлива, но без придыхания, без головокружительного восторга и бури чувств. Но еще больше она переживала, что в ее жизни не было никакой драмы – ни травмирующего детства, ни абьюза, ни даже ожирения. Мысль, что без

боли невозможно по-настоящему ощутить счастье, не давала ей покоя. Но Маруся была легкой, и тяжелые неприятности не прилипали к ней.

Девушке казалось, что если она приедет в Австралию, ее жизнь перевернется с ног на голову. Она обязательно влюбится в какого-нибудь загорелого серфингиста, он разобьет ей сердце, и Маруся, подобно героине Элизабет Гилберт, отправится по миру искать умиротворения и гармонии. И тогда у нее появится тот особый взгляд, который выделяет людей, переживших горе. Глубокий, мудрый, с поволокой грусти и загадки. И каждый, кто будет смотреть на Марусю, захочет узнать, какой секрет она хранит.

Маруся начала копить деньги на поездку в Австралию с первого же дня, как переступила порог кафе “Голодная чайка”. Это была ее первая и пока единственная работа. Денег платили не то чтобы мало, нет – Зоя Михайловна вовсе не была скупердяйкой, но зарплата официантки не позволяла откладывать большие суммы. К тому же “Голодная чайка” стояла несколько в стороне от живого, утопающего в кипящей жиже человеческих тел, городского центра. Посетители были, причем порой весьма щедрые, но совершенно не постоянные. И каждый выпавший на ее официантскую долю лишний рубль, Маруся аккуратно прятала в жестянку из-под печенья, на дне которой лежала та самая рекламная листовка.

Несколько раз Маруся всерьез подумывала уволиться и

устроиться в какой-нибудь отель горничной – гостиничный бизнес в курортный сезон приносил хорошие деньги. Но сразу же начинала тосковать по дощатому говорливому полу кафе, по стенам, пропитанным табаком и жареным мясом, по щербатым морщинам на барной стойке. И на утром приходила в “Голодную чайку” особенно рано, как бы извиняясь за свои ночные мысли.

Сегодняшний день принес Марусе солидный улов чаевых. Две голубые купюры, три фиолетовые и целую горсть блестящей мелочи. Маруся неслась домой, едва касаясь земли. Цифры в голове показывали ровно ту сумму, которую нужно было предъявить для оформления визы в Австралию.

– И даже чуть-чуть больше, – напевали в сумке монеты.

Дома Маруся, разбросав босоножки в разные стороны, влетела в комнату, достала коробку и пересчитала деньги – все сошлось. Радостная, раскрасневшаяся, она обняла коробочку, забралась с ней на кровать и стала прыгать. Она едва дождалась утра, лежала, в кровати, радостная и теплая, и смотрела, как медленно ползут стрелки часов. И мечтала, мечтала, мечтала...

Улица была сегодня особенно радостная, яркая, похожая на калейдоскоп. Пустые стаканчики из-под кофе, бутылки, разноцветные обертки – все радовало глаз. Даже прохожие, сонные и безликие, казались ей мультяшными, милыми, родными. Она всматривалась в эти потные и кислые лица, что-

бы там, на берегу океана, с легкой эмигрантской грустью их вспоминать.

До открытия консульства оставалось еще полчаса. Маруся решила свернуть на улочку, так приветливо выглядывающую из-за угла. Оглушенная и ослепленная своей радостью, Маруся не заметила, как от стены отделилась тень. Она скользнула за ней, тихая, страшная, подошла сзади, выхватила сумку и растворилась на границе тьмы и света.

Маруся осталась стоять посреди улицы, прижимая к груди похолодевшие руки. Она никак не могла поверить, что всего мгновение назад она была счастлива, а теперь истекает скользким и холодным отчаянием. От этих чувств, похожих на внезапный порыв северного ветра, стало холодно и пусто. Маруся задрожала всем телом и зашагала прочь с улицы разрушенных надежд.

Она вернулась домой и пролежала в кровати до самого утра. На столе всхлипнул мобильный телефон, который Маруся по рассеянности забыла на столе и тем самым спасла от кражи. Девушка потянулась за ним и смахнула на пол. Заставка Австралии на экране покрылась паутиной трещин. Маруся уткнулась в подушку и впервые в жизни прорыдала в нее до самого вечера.

– Да не убивайся ты так, Марусёнок. Главное, ты цела, а документы восстановим, деньги накопим. Вытирай слезы, там уже Антон Сергеевич заждался, – успокаивала девушку хозяйка.

Маруся посмотрела на Зою Михайловну и впервые заметила, какая она старая, ссохшаяся, с большими желтыми зубами. С кухни чем-то отвратительно воняло, кофе был гадким, а всегда свежий Антон Сергеевич отдавал нафталином. Яйцо для Мелиссы Маруся тщательно переварила, так что желток покрылся сверху синей мертвечиной. Ее раздражало решительно все: и скрипящие половицы, и заусенцы на столах, и эта старая уже давно бесплодная вишня, под которой сгрудилась старое, как и его хозяйка, кафе. А вечером Маруся до красных глаз просматривала вакансии в отелях, но каждый раз находила причины, почему эта работа ей не подходит.

Шли дни. Маруся потихоньку оживала и снова начала радоваться своей незатейливой жизни. Она завела новую жестянку теперь уже из-под чая, и тихонько наполняла ее свежими купюрами и старыми воспоминаниями. Но без листовки коробка казалось какой-то пустой и лишенной смысла.

Однажды в кафе пришел мужчина. Он был явно нездешний, залетный. От него веяло какой-то незнакомой жизнью, морской пеной и жженой пластмассой.

– Девушка, а накормите меня чем-нибудь вкусным! – сказал он, отбрасывая в сторону меню. – Кстати, меня зовут Матвей. А вас, судя, по бейджику, Мария.

– Маруся. Так привычнее.

Матвей посмотрел Марусе в глаза и улыбнулся.

– Учтите, я очень голоден.

– Насколько по шкале животных? Как лев? Как слон? Или как бегемот?

– Как кинорежиссер, который уже вторые сутки питается батончиками из автоматов в аэропорту.

– Боже, да вы на грани вымирания! Ну, я тогда побежала.

Через 20 минут на столе стоял горшочек томленного под хлебной шапкой борща, тушенная с вишневым листом телятина и пряный сливовый пирог с шариком домашнего мороженого. Матвей ел жадно, заглывая вместе с супом солнечные лучи и раскаленный полуденный воздух. Маруся принесла ему лимонад в запотевшем кувшине, и Матвей нарисовал на нем рожицу.

– Господи, никогда не думал, что еда может сделать настолько счастливым. Маруся, вы открыли во мне новую страсть, и теперь я буду таскаться к вам каждый день и кланяться еде.

– Как голодная чайка?

– Что? А, понял. Теперь я понимаю, почему ваше кафе так называется. Ну, чайка так чайка. Она, кстати, стадное животное.

– Это птица... Чайки живут стаями. А точнее, колониями.

– В общем, ждите колонию съемочной группы. Я не шучу.

Матвей встал, театрально откланялся и, изображая руками взмахи крыльев, вылетел из кафе. А через полчаса в “Голодную чайку” хлынула орава диких, истосковавшихся по домашней кухне киношников во главе с Матвеем. Зоя Ми-

хайловна надела передник, потуже завязала платок на волосах, и кинулась обслуживать крикливую человеческую стаю. Обед плавно перешел в ужин, и к вечеру Матвей предложил хозяйке закрыть на две недели кафе на спецобслуживание и кормить съемочную группу три раза в день. И никаких бездушных шведских столов – только свежие, специально приготовленные для них блюда из лучших продуктов.

До позднего вечера Зоя Михайловна, деловая и суетливая, с глубокой складкой на лбу и широкой улыбкой на лице делала перестановку, откапывала на складе пыльный хрусталь и мельхиоровые ложки, натирала чугунки.

– Маруселла, ну какая же это удача! Подумать только – кормить такую ораву, да еще и по полной программе. Наконец, я смогу сделать ремонт. Поменяю этот жуткий скрипучий пол, от которого у меня по ночам мурашки. Крышу покрашу в бирюзу и нарисую по всему забору море.

– А чаек над волнами можно?

– И на чайку хватит! – Зоя Михайловна стиснула Марусю в объятиях. – Девочка моя, чтобы я без тебя делала.

Когда на следующее утро в кафе пришел Антон Сергеевич, он увидел табличку “Закрыто на спецобслуживание”. Он хотел было окликнуть Марусю, но та была закручена к какой-то неистовом торнадо из тарелок, полотенец и сахарной пудры. Про бедную Мелиссу никто даже и не вспомнил, и только вечером, когда Маруся, еле переставляя гудящие ноги, вышла из кафе, какой-то настойчивый голосок в голо-

ве напоминал, что яйцо в мешочек варится шесть минут.

Съемочная площадка, которой руководил Матвей, находилась всего в квартале от “Голодной чайки”. Старое обветшалое кафе идеально подходило, чтобы насытить развращенные столичными деликатесами животы. Маруся никогда не видела столько красивых, ярких, переливающихся на солнце словно бусины людей. Это неведомая раньше, пластиковая красота восхищала ее, как радуется девочку первая кукла. Но самым невероятным был Матвей. От него исходило какое-то первобытное сияние, энергия настолько же созидаящая, сколько и разрушительная. Он был красив, с ямочкой на левой щеке. Немного небритый и чуточку помятый. Одним словом, таким ослепительным, что каждый раз, когда Маруся смотрела на него, у нее слезились глаза и щекотало в груди.

Матвей вел себя с Марусей, как и положено солнцу – выдавал одинаковую со всеми норму тепла и света. И ни разу не задержался рядом с ней хотя бы на минуту дольше, чем наступал закат.

Маруся же всегда была рядом, но стояла при этом в тени. И Матвей всегда удивлялся, когда она появлялась ровно в том момент, когда его бокал становился пустым.

– Маруся, а поехали с нами дальше на съемки? Мне нужен личный ассистент, способный раздобыть самый вкусный борщ даже на краю света.

– А куда вы едете?

– Как раз на край света. В Австралию. Нам надо снять несколько эпизодов на побережье, – сказал Матвей по-будничному просто и щелчком смахнул со стола упавший лист вишни.

Марусю словно накрыло прохладной волной. Вот она мечта – подставляй лицо и радуйся. Надо задержать дыхание, чтобы не захлебнуться. Едва сдерживая себя, чтобы не кинуться Матвею на шею, Маруся опустила глаза и обещала подумать.

– Зоинька Михайловна, дорогая, я вам сейчас такое расскажу, – ворвалась девушка в хозяйкин закуток. – Меня позвали в Австралию. Представляете! Вся съемочная группа едет и меня приглашают.

Зоя Михайловна как-то вдруг вся съежилась, растерянно засуетилась и похлопала Марусю по плечу.

– И ты поедешь?

– Конечно! Они меня в групповую визу впишут, билет купят и даже за проживание будут платить!

– И надолго?

– Надеюсь, навсегда. После съемок я найду себе работу. Хоть официанткой, хоть горничной – все равно. А в выходные буду приходить к океану и ходить босыми ногами по линии прибоя.

Зоя Михайловна отвернулась, схватила с тумбочки тряпку и направилась к двери.

– Извини, надо бутылки в холодильник убрать, пока не

нагрелись.

И Маруся, оставшись одна, затопила своей радостью пустую комнату. И окажись с ней в этот момент кто-то рядом, он бы обязательно набрал бы полные штаны марусиною счастья.

На следующий день Маруся подошла к Матвею и сказала, что готова поехать с ними. Мужчина посмотрел на нее удивленно, потом на секунду задумался, будто бы припоминая о чем-то, и, наконец, расплылся в улыбке.

– Вот и славно! А сейчас принеси мне, пожалуйста, лимонад – сегодня какое-то невероятное пекло.

Месяц пролетел незаметно. Маруся и Зоя Михайловна были так заняты обслуживанием гостей, что почти друг с другом не разговаривали. Не было у них времени и на одну чашку кофе на двоих, с которой раньше начиналось каждое утро.

Прощальный ужин Матвей предложил устроить поздно вечером на террасе. Маруся развесила повсюду бумажные фонарики, расставила на столах плавающие ароматные свечи. На маленькой сцене уличная группа играла Bossanova. Грусть с шелестом падала на плечи гостям, и они стряхивали ее вместе с опавшей листвой.

Зоя Михайловна сама встала за барную стойку и готовила изумительные коктейли, замешивая в бокалах закат вместе с алкоголем. Блюд было столько много, что даже если попробовать по маленькому кусочку от каждого, встать из-за стола

живым вряд ли бы получилось. Семь видов расстегаев, пирог с куриными потрошками и гранатом, баранина под соусом из лесной земляники и мяты, молодой картофель, обжаренный до золотистой корочки в чесночном масле, хрустящие куриные крылышки в меду, баранья нога, фаршированная орехам и зелению... Блюда все несли и несли, и гости набрасывались на них, словно бы до этого их держали на хлебе и воде.

Воздух был густым от смеха и бараньего жира, и Маруся, бегавшая от стола к столу, чувствовала легкое головокружение и покалывание в пальцах.

Матвей много ел, но еще больше пил. Когда пир закончился, он подошел к Марусе, хмельной и веселый, чмокнул ее в щеку и с хрустом откусил большой кусок от яблока.

– Ну что, чайка, начищай крылышки, завтра вылетаем. Пора покинуть твоё старое гнездо, – и он скосил глаза на сутевшуюся возле столов хозяйку.

Гости ушли, оставив после себя груды скомканных салфеток и пустые стулья. Было свежо и по-осеннему тоскливо.

Маруся налила кофе и опустилась на ступеньку.

– Маруся, это тебе, – Зоя Михайловна присела рядом и протянула девушке коробку из-под кубинских сигар.

Тяжелая! Маруся открыла ее и ахнула – деньги. Много разноцветных купюр, перетянутых зеленой резинкой.

– Зоя Михайловна, зачем? Почему?

– Это тебе на первое время. Там, в Австралии, наверное,

все дорого.

– А как же ваш ремонт?

– Какой ремонт? Ах, ремонт! Знаешь, мое кафе, он ведь, как и я – старое, но крепкое. И кто знает, что с ним будет, если попытаться в нем что-то переделать.

Маруся прижала коробку к груди и заплакала. Хозяйка села рядом и уложила голову девушки к себе на колени. Она гладила ее волосы и пела какую-то старую южную песню про чайку, которая хотела стать океаном.

На ступеньках кафе сидела женщина. Ее солнечные волосы были перетянуты выгоревшим на солнце шелковым платком, на котором просматривались бледные силуэты чаек. На коленях у нее лежала девушка. Тоненькая, хрупкая, с розовым пушком на щеках.

– Мама, а что было дальше? Ты ведь уехала в Австралию?

– Нет....

– Почему? Это же была твоя мечта?

– Потому что не каждой мечте надо обязательно сбываться. Некоторым мечтам нужно так и оставаться мечтой.

Глаза женщины стали влажными. Спустя почти 30 лет она помнила тот день, как будто бы он был вчера. Вот она, изнеможенная от усталости и слез, бредет домой. Вот видит в коридоре довольный, виляющий хвостом чемодан. Вот она вызывает такси и едет в аэропорт. Ехать далеко, и у Маруси совсем не остается сил бороться с дремотой. Она закрывает

глаза и видит стекающее со стен кафе солнце. Она подставляет руку под этот поток, подносит к лицу ладонь и делает большой глоток. И все вдруг становится таким ясным и понятным. Ей больше не нужен океан, чтобы быть счастливой. Потому что она уже счастлива. Суетливая, пестрая жизнь, будет для нее неудобной, словно узкое коктейльное платье.

До аэропорта она не доезжает, разворачивает такси и едет в кафе. Утро едва пробивается сквозь задернутые шторы ночного неба. На террасе, уже тщательно убранной, стоит стол. За ним сидят трое. Они пьют вино и щебечут, словно чайки над морем.

– Можно присоединится? – спрашивает Маруся. Она стоит за забором с чемоданом в руках и не решается войти.

Зоя Михайловна приветливо стучит по пустому соседнему стулу.

Антон Сергеевич галантно целует Марусе руку.

– Сегодня никакой лимонной воды, милочка. Только молодое вино и старые объятия, – воркует Мелисса.

– Маруся, почему ты не улетила? Если из-за нас, то не переживай... Садись на такси – и ты успеешь в аэропорт.

– Я просто поняла, что вы – моя стая. А среди них я всегда буду чужой маленькой чайкой.

Зоя Михайловна снимает с головы платок с чайками и подвязывает Марусе волосы.

– Я с первого дня знала, что однажды здесь все станет твоим, моя милая девочка. Только я тебя очень прошу, никогда

не подрезай себе крылья. И если однажды захочется улететь – сделай это.

Антон Сергеевич и Мелисса, немного покачиваясь, неспешно уплывают по залитой утренним солнцем улочке. Маруся и Зоя Михайловна садятся на прохладную ступеньку кафе. Они пьют по очереди кофе из одной кружки. Они пьют по очереди одну на двоих жизнь.

КОНЕЦ